

МИФЫ ЛИТЕРАТУРЫ В ИСТОРИИ И ФОЛЬКЛОРЕ

УДК 130.2(=11/=8)

ДУХОВНАЯ ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ФОЛЬКЛОРА И ЛИТЕРАТУРЫ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ МЕНТАЛЬНОСТИ НАРОДА, МИФ КАК ОБРАЗ СКАЗКИ

Миничкин Павел Дмитриевич

Национальный исследовательский

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва

(г. Саранск, Россия)

Аннотация

В статье рассматривается влияние фольклора и литературы на нравственность не только личности, но и общества в целом. Смысл произведения предстает в виде интерпретации заложенных смыслов, происходит перенос модели поведения на повседневную жизнь. В свою очередь предстают рациональное и иррациональное, которые выступают как одномоментные возможности принятия ключевых моментов иносказательного бытия. Это позволяет выявить для индивида именно ту модель поведения, которая ему ближе по мировоззрению.

Ключевые слова: фольклор; текст; логика; мышление; культура; миф

SPIRITUAL ETHNIC IDENTITY OF FOLKLORE AND LITERATURE AS AN INTEGRAL PART OF PEOPLE'S MENTALITY, MYTH AS AN IMAGE OF FAIRY TALE

Minichkin Pavel Dmitrievich

National Research Mordovian State University named after N. P. Ogarev

(Saransk, Russia)

Abstract

The article considers the influence of folklore and literature on the morality of not only the individual, but also society as a whole. The meaning of a work appears as an interpretation of the laid down meanings, there is a transfer of the model of behavior to everyday life. In turn, the rational and irrational appear as one-step possibilities of accepting the key moments of allegorical existence. This allows to identify for an individual exactly that model of behavior, which is closer to his worldview.

Keywords: folklore; text; logic; thinking; culture; myth

Введение (Introduction)

Интерес к фольклорным произведениям постоянно растет на фоне заикленности обыденной литературы на общественной и фрагментарной жизни. Чем больше становится ограждение между социокультурной средой и личностью, тем больше потребности у индивида в осознании себя как целостного человека. Поиск наиболее олицетворяющего произведения со своей концепцией мира у индивида зависит от наиболее отвечающего запроса к исторической среде как реальной основе,

и это один цикл произведений либо мифическо-сказочный, в котором изначальные представления о мире были сложены в картину наиболее простую, но от этого не лишенную своей сложности в осознании прочитанного.

Постоянный процесс переосмысления полученных знаний формирует и новое видение, не только усложняется сам посыл произведения, но и видятся новые проблемы в повествовании. При этом изначальный момент написания произведения скорее всего такие проблемы и не формировал, но из-за своей многогранности и больших логических незавершенных формулировок позволяет включить в себя и ранее несвойственные вопросы и ответы.

Литературный обзор (Literature Review)

При проведении исследования были использованы различные литературные материалы: от сказок и мифов до художественной и научной литературы. Были взяты во внимание иностранные источники по философии и экономике, поскольку в культурно-общественном срезе идея о материальном благе как зародыше культурного возвышения, выдвинутая еще Марксом и Энгельсом, актуальна именно с точки зрения как внутренней побуждающей силы для повествовательного сюжета. О данном подходе пишет и Л. фон Мизес, но с позиции более индивидуального подхода и переосмысления роли личности в обществе. Также он пишет и о роли взаимоотношения и пересечения культуры целого (общества), личности (индивидуального) и разноглубинного погружения через средства коммуникации. По мнению Л. фон Мизеса, «основное средство традиции – слово. Мышление связано с языком, и наоборот. Идея воплощается в термины. Язык является таким же инструментом мышления, как последнее является инструментом общественной деятельности» [Мизес 2018: 168]. В свою очередь текст невозможен без интерпретации мышления родного языка, который позволяет варьировать не только слово, но и само значение произведения.

Г. Лебон считал, что «различные элементы – язык, учреждения, идеи, верования, искусство, литература, – из которых образуется цивилизация, должны быть рассматриваемы как внешнее проявление души создавших их людей. Но, смотря по эпохам и расам, важность этих элементов как выражения души какого-нибудь народа очень неодинакова» [Лебон 2017: 66].

Следует отметить взгляды У. Эко на поиски пропорционального не только в литературе, но и в визуальном исполнении, которое, будучи переосмысленным, становится вновь литературным / визуальным. Так, уродство и красота не столь четко прослеживаются в реальной жизни, нежели в гротескной форме литературного произведения, шарж на общественную парадигму позволяет выявлять и контролировать движение как в истинном, так и ложном.

Проблемы прочтения текстов оценены через позиции отечественных ученых. В.Я. Пропп выдвинул идею о сюжете как продолжении многих исторических событий, переосмысления. А.А. и П.А. Гагаевы говорили о роли космо-психо-логоса для воззрения индивида и общества, о роли личного переосмысления и сопереживании пережитому эмоциональному событию. Верное прочтение народного творчества не бывает полным ни во времени, ни культуре, даже в пересказе автора заключается недопонимание, которое созвучно с возрастным цензом читающего и владения (читаемым) в полной мере языком. «Как книжные формы народного эпоса эти произведения сохраняют связь с фольклором с точки зрения их содержания и мирозерцания, но теряют ее в языке и характеристике поэтической интерпретации

текста, который в устно-поэтической традиции мог быть как стихотворным, так и прозаическим», – считает А.М. Шаронов [Шаронов 2010: 21].

Методы (Methods)

В контексте эмоционального восприятия и выстраивания модели мира был использован гендерный подход. Разделение по половой принадлежности выстраивает модель «Я – Мир» в контексте оценочного суждения. Поиск роли для мальчиков – храбрец, искатель лучшего, солдат. Для девочек – хозяйка мира через модель «Дом – мир», дети как проявление своего в *ином*. Также использован подход по возрасту как обобщенно (дети / взрослые), так и с более тонкой корреляцией: дети, подростки, тинэйджеры, взрослые. Культурологический подход с оценочным суждением поиска добра и зла в народной культуре привносит психологический метод изучения данного материала, поскольку неразрывно связан как с психологией масс, индивида, так и с самой культурной парадигмой, вплетающейся в духовную сферу. Социокультурный метод позволяет выявить главные идиомы не только в речевой манере повествования, но и в знаковой. Семиотический метод выявляет общую форму значения образа во времени, пространстве общественной идеализации.

Результаты и обсуждение (Results and Discussions)

Дети воспринимают произведения не только как времяпрепровождение, но и как отражение вполне реальной картины мира. Взрослый человек смотрит на фольклорные произведения сугубо как на забавные небылицы, не берет в своей основе модель *Да-Нет-Может быть*, но *Нет*, т. е. не верит сам в то, о чем слышит, игнорирует сам свою же юношескую часть личности. Происходит это потому, что считается, что по постижению зрелого возраста не происходит процесс обучения, личность сформирована и уже проецирует себя в пространство. В этом же ключе говорил и В.Я. Пропп относительно связи времени и пространства в мировоззрении личности с влиянием народного творчества, которое формирует взгляд на Вселенную как *Там и Здесь*. «Одна из основных особенностей, унаследованных древнейшим эпосом от мифа, но впоследствии также преодолеваемая, – это представление о том, что мир будто бы разделен на два мира: на мир здешний и мир потусторонний» [Пропп 2021: 549].

При данной модели мышления процесс интеграции с новыми знаниями невозможен, они не воспринимаются серьезно или игнорируются сознанием. Процесс познания мира может быть сформированным и заостренным уже в конце периода юношеского взросления. Именно поэтому мудрость как таковая принимается за глупость, и наоборот. Так, глупость, по мнению А.А. Гагаева, присуща всем этносам и народам, но с разными интенциями: «Русская глупость вообще: отказ от истины, авторитаризм, догматизм, отказ от развития, неразличение истины – лжи и заблуждения, общего и частного, общего и частного блага, справедливости и несправедливости, добра-зла, молчание о добре и зле, неспособность к критике и скепсису, неспособность к правильным отождествлениям и различениям, корыстные цели, циклы бездействия, неспособность делать выводы из уроков истории и агрессия и насилие» [Философия и природа... 2016: 480].

В фольклорных произведениях важен не столько сам сюжет, сколько логические мотивы в многомерности точек соприкосновения логики и выводов, порой диаметрально противоположных, но при этом и одновременно верных по своему суждению. Антиномия при этом может не брать в расчет часть вывода в оборот, и таким образом мышление не продуцируется в эмоциональную

составляющую, но играющую огромную роль как таковая. Мышление строится на некоей системе ответа *Да-Нет*, однако из-за сложности человеческого сознания (сюда же можно отнести разность психики, зависящую от местоположения индивида и его реакции на эту среду) получаем не только *Да-Нет*, но и временную шкалу познания-*Тогда-Сейчас-Потом*, где *Потом* может быть в прошлом, в будущем – *Тогда*.

Некий мотив рефлексии задействован и в сказках, где может задаваться утверждение Гераклита про изменчивость бытия, например, зайти в одну реку дважды. Сказки вместо утверждения ставят знак вопроса и дают подсказку: река одна, но состояние по качеству разное. Поиск богатства в разных социальных средах формируется по-разному, но общественная модель, как правило, одобряет его, но не всегда подходы к нему. Так, Ж. Бодрийяр, высказываясь о богатстве и накоплении, сводит все к «знакам счастья», которые питают повседневную банальность. «Речь идет просто о частной и коллективной ментальности. Но на этом довольно поверхностном уровне можно рискнуть сделать сравнение: именно магическая мысль управляет потреблением, именно ментальность чуда управляет повседневной жизнью; это ментальность примитивных народов в том смысле, что ее основой является вера во всемогущество мыслей: здесь это вера во всемогущество знаков» [Бодрийяр 2020: 17–18].

Иносказание не как историческая истина, но как вполне реальная мера восприятия мира формируется в многомерности бытия фольклора. Например, в России свыше 180 народностей, каждая по-своему воспринимает мир и вносит свой вклад в общественно-государственную парадигму сознания. Однако если имеет место доминанта одной из общих культурных вариаций, происходит атрофия общего.

Так, славянская культурная идентичность связана с непричастностью с миром, возложением дел на иных лиц, даже божеств. Мордовская сказка, наоборот, направлена на познание мира и его постижение, даже в союзе с темными силами. Русская идентичность, соединяя в себе многие культуры, порой очень непоследовательна в оценке добра и зла, что приводит к борьбе личности и общего, государственного. Русский человек бунтарь по натуре. По вынужденным обстоятельствам он ищет блага на Земле или Небе, выбирая одно или другое, что уже не является важным, что в свою очередь делает и протест простого человека столь обыденным против окружающего его мира.

Отметим, что нечистая сила не так противна по своему философско-социальному базису в осмыслении европейского знания. Так, переосмысление дьявола было пересмотрено английским поэтом, политическим деятелем и мыслителем Джоном Мильтоном. Как пишет У. Эко, «известна политическая подоплека позиции Мильтона. Он принимал участие в пуританской революции, разгромленной монархистами-реставраторами. Поэтому он и вывел Сатану воплощением сопротивления власти... Он не революционер, ибо для этого ему недостает идеальной цели помимо жажды мести и стремления к самоутверждению, но, несомненно, образец чистой энергии бунта» [История уродства 2017: 179].

В поисках счастья человек направляется на забытие своего отеческого с последующей адаптацией личного опыта в культурном срезе и последующего наложения на чуждое, иное. Русский человек, выбирая отчуждение с родным, ищет его в последующем и возвращается к нему, но в иной форме. Поиск счастья моделирует личное выживание в сравнении с общим окружающим и провоцирует на покидание родного края, создавая этот край в другом месте, что приводит к общинному пребыванию как на чужбине, так и внутри страны, но в другом регионе.

Сюжет с уходом из родного края моделирует систему «Зло и несправедливость здесь и всегда», уход в новые земли, где зла нет, поскольку злом является богатый соплеменник. Здесь нам очень близка позиция А.А. и П.А. Гагаевых относительно проблемы разделения сознания человека на параллельные и одновременные интенции примитивного счастья: «Безобразие души современного человека, который заживо гниет в половинном образовании. Каждый человек безобразен по-своему! Безобразен в злой хитрости, силе и собственности, иерархии» [Гагаев, Гагаев 2019: 124].

Так, в бурятской сказке «Жена Хордея» вступление сразу информирует читателя: «Он (Хордей) пас у одного богача скот. Хозяин был очень скуп. Когда минул год, он заплатил Хордею за его верную службу всего три монеточки. Хордей обиделся и решил искать счастья в другом месте» [Бурятская сказка]. Поэтому диаспоры как внутри страны, так и за ее границами, моделируя родную культуру, проводят параллель с окружающей их средой и, пытаясь сформировать единое мнение как планомерно, так и стихийно внутри себя, усиливают / ослабляют отголоски прошлого опыта. Индивид может закрыться от прошлого опыта, считая его как травмирующим и чужеродным ему самому, но не обществу, избегая таким образом обобщения с этим самым опытом. При этом общественное мышление всегда единое относительно жизни: выбор супруга, даже если плохой, дети, долг перед старшими и смерть. Выбор супруга случаен, с детьми возможно «право неожиданности» как в мордовской сказке «Обещанный сын»: «Тогда, когда пообещаешь дать мне то, о чем ты не знаешь в доме...» [Мордовские народные сказки 1985: 150].

Невозможность скомпоновать личное видение и общественное окружающее в мировоззренческом контексте приводит к бунту, смирению, отчуждению или акту уничтожения как источника зла, так и самого себя после – осознанный акт саморазрушения любыми средствами и возможностями. Стоит отметить, что любой тип реакции личности не столько личностно ориентирован, сколько заранее общественно-культурно внесен в систему воспитания с последующей адаптацией личности. Так, скажем, смирение с миром не является главной чертой финно-угорских племен, смирение возможно, но как смерть после бунта, попытка что-либо изменить является аккумулярующей чертой в зоне рискованного земледелия севера. Процесс выживания невозможен без постоянных попыток подстроить под себя мир, а не наоборот. В этой черте сказывается не только климатический фактор, но и общественный, экономический (как акт самой культуры).

Познавательна сказка «Чудесная рубашка», в которой есть связь с чешской сказкой «Золотая прялка». В ней Ивана старшие братья оставили в лесу, чтобы не делить с ним отцово наследство. В «Золотой прялке» сестры лишают жизни свою сестру с целью заполучить ее жениха.

«Сестра, сестричка, мне скажите,
Зачем топор с собой несете?
Топор нам нужен – в лесной пещере
Разрубим кости лютому зверю –
Пойдем скорее, пойдем!»

[Предания, сказки и мифы западных славян 2021: 64].

Следует сказать, что народная культура сама по себе старалась делить все между участниками группы как во время ритуальных действий, так и по своему

нраву, в частности, в семье. Так, дележ наследства сам по себе свойственен многим народам, но убийства, например, в тех же мордовских сказках нет. Спорные моменты решаются с помощью волшебных помощников, зверей, природы. Чаще всего герой уходит в далекие края за тем, чтобы не мешать родным жить, или его выгоняют. Герой тоскует, но находит более родные просторы на чужбине. Далее в сказке Иван становится братом трех славных молодцев-птиц, живет с ними, исполняет их просьбы. Братья-птицы прилетают раз в год и просят Ивана готовить им в этот день еду. Иван живет так пару лет, при этом он спит и просыпается в назначенный день. Для Ивана нет дел важней, и поэтому можно сказать, что его жизнь сводится к исполнению просьбы. Иван сам выбрал важность этого дела, для него время не есть *Там* и *Тут*, но оно теряется в целом. Далее Иван едет жениться на Елене Прекрасной, которая затем поддается искушению Змея Горыныча, и пытается узнать, где спрятана сила и мудрость Ивана для его последующего убийства. «Елена Прекрасная сняла с него рубашку, а самого изрубила на мелкие кусочки и приказала выбросить в чистое поле, а сама стала жить со Змеем Горынычем» [Чудо чудное 1993: 183]. Иван затем оживает и превращается в животных, которых Змей Горыныч убивает. Будучи рыбой, Иван заманивает Змея Горыныча на дно озера и быстро всплывает на берег, одевает свою волшебную рубаху и убивает Змея. Далее Иван прогоняет Елену из дворца и берет в жены ее служанку.

Новые мотивы вплетаются в старую модель повествования как в результате нового знания о мире, так и о человеке в научном познании. Русский человек живет от даты к дате, важное дело является точкой отсчета (сослужить службу, жениться, пойти работать). Однако поиск своего места на земле является проблемой сознания.

Можно найти в «Обломове» И. А. Гончарова образ Емели из сказки «По щучьему веленью», модель размышления о жизни лежа, в ничегонеделании, бунтарстве против лишнего труда, но в отличие от нигилизма как такового он не способен к бунту, бунтарству. Емеля не способен к лживости по отношению к себе и своему окружению, он ждет своего часа, как Илья Муромец. При этом Емелю подкупают снохи фразой: «Не нарубишь дров, братья с базара воротятся, гостинцев тебе не привезут» [Там же: 191]. Емеля произносит волшебную фразу, и все дела делаются сами. При этом в начале произведения Емеля ловит щуку в проруби, т. е. он не против труда, но при возможности его упрощения тут же занимается любимым делом. Для Емели нет авторитета по иерархии, только по своим соображениям он может начать уважать человека. Для расположения Емели к себе собеседник должен проявить уважение и принести подарки, которые он, конечно, возьмет себе, но что потом произойдет с вещами, неизвестно. «Наш Емеля любит, когда его ласково попросят да красный кафтан посулят, – тогда он все сделает, что ни попросишь» [Там же]. Отметим, что натура Емели – результат общественного мышления через личный опыт. Стоит подчеркнуть, что волшебная фраза перед делом есть магия, индивид словно впадает в форму обобщения с тотемом. И нет ничего удивительного для Емели в том, что рыба разговаривает, а вещи слушаются его воли, модуляция мира происходит в его личном мире. По этому вопросу пишет А.В. Ставицкий: «Так миф побеждает научное знание с поразительной легкостью, делая желаемое истинным» [Ставицкий 2021: 104].

Мотивы фольклора постоянно меняются, ищется форма, более подходящая времени и общественной парадигме. Так, мотив поиска своей доли через свой труд трансформируется в мотив наивысшей цели, попытку отыскать ответ на философский вопрос о человеке и его роли в мире. Илья Обломов не крестьянин, поэтому не

принужден к труду. Ищет себя в постоянных размышлениях, ищет внешний источник побуждения к действию. И находит его в чувственном начале к девушке, но отказывается от него в пользу обыденности сознания. Способен к действию, но его игнорирует. Емеля и способен, и действует, но не сам, по обстоятельствам. Емеля по прихоти влюбляет в себя царскую дочь, Обломов склоняется к сословности и денежному довольствию и отстраненному мироощущению.

Проблема выбора и полного погружения в среде самореализации стоит и перед Борисом Райским в «Обрыве» И.А. Гончарова. У него есть только идея сама по себе, но нет понимания. Можно сказать, что его логические доминанты стоят в образной системе A есть A , но что дальше, это уже не ее продолжение, A не может быть A через B , тем более A не A . «Узнав его характер, о том, куда он теперь денется и куда денет свои заслуги, “таланты”, которые вечно будет только чувствовать в себе и не сумеет ни угадать собственного таланта, ни остановиться на нем и приспособить его к делу» [Гончаров 1983: 445].

Интересна интерпретация обладания благами у Ф.М. Достоевского в повести «Записки из подполья»: «Так он вам и тут, человек-то, и тут, из одной неблагодарности, из одного пасквиля мерзость сделает» [Достоевский]. Нам интересно то, что обладание богатствами превыше всего для обыденного человека, ограниченного фантазией траты ресурсов. Данный мотив имеется в народной культуре, которая вынуждена уйти из деревни в город на заработки. Происходит разделение и отзеркаливание как народной культуры села и города, так и городской культуры на городскую традиционную и современную (понаехавших).

Заключение (Conclusions)

Устно-поэтическое творчество направлено на развитие духовной сферы человека, позволяет выискивать модели поведения, представлять различные игровые моменты в реальности, таким образом моделируя известную картину мира в реальную. Процесс разделения окружающего мира на составные части позволяет одномоментно пользоваться логиками *Да* и *Нет* как иррационального, так и рационального. Поиск обобщающей модели познания мира и тем более дальнейшее спряжение полученной информации в личности должно продуцироваться обществом, однако эта функция не полностью исполняется, и как итог – невозможность личности связать между собой различные науки и их открытия. Происходит невозвратный процесс обнуления соразмерности знания поэтического как истинности и вечности, так и научного реального и популистского.

Миф сам по себе не целен в своей основе, но при участии личного сопереживания сторонним участником происходит наслоение личного пережитого, представляемого к некоей основе повествования. Именно поэтому не так важна сама предпосылка к некоей точке отсчета, сколько последующая интерпретация самой основы и ее мотивов, сюжета, так и последующих изменений, которые направлены на более выразительную форму повествования. Также следует отменить и личностно-общественный характер требований к форме изложения, который меняется как стилистически, так и сюжетно, вбирая в себя различные мотивы, эпохи и социальные аспекты. Миф не есть детальное описание событий или сказка, хотя конечно, пересечение есть, однако если сказка базируется на сюжете изначально фантастическом, то миф – представление о мире в некое время, измененное лично-общественной парадигмой к забвению бед и восхвалению побед. Следует отметить, что миф содержит в себе сюжетную редукцию к более древним событиям и сопоставляется с недалеким прошлым, отрицая произошедшие изменения, тем самым

форма последующего образа в своей основе столь универсальна, что различие в многовековой истории расценивается как изменения во внешнем проявлении, причем столь незначительными, что не стоит их и рассматривать как таковыми. Однако формы привнесенного изменения побуждают сюжет мифа искать в себе и вне себя более новые и широкие формы ответов, которые изначально не закладывались. Происходит поиск ответа на новые вопросы, но через уставную форму временного позднего к изначальному запросу, где всегда присуща форма более простого вопроса.

Литература

Бодрийяр Ж. Общество потребления: Пер. с фр. Е.А. Самарской. Москва: АСТ, 2020. 319 с.

Бурятская сказка «Жена Хордея». [Электронный ресурс]. URL: <https://m.vk.com/@nurmuseum-zhena-hordeya-buryatskaya-skazka-o-devushke-lebedi> (дата обращения: 14.03.2023).

Гагаев А.А., Гагаев П.А. Философия мифологии и сказок о Палэсмурте: компаративистский подход // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов II Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2018 года, г. Севастополь): Под ред. О.А. Габриеляна, А.В. Ставицкого, В.В. Хапаева, С.В. Юрченко. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе, 2019. С. 123–126.

Гончаров И.А. Обрыв. Москва: Художественная литература, 1983. 448 с.

Достоевский Ф.М. Записки из подполья. [Электронный ресурс]. URL: <https://ilibrary.ru/text/9/p.8/index.html> (дата обращения: 14.03.2023).

История уродства: Под ред. У. Эко; Пер. с итал. А.А. Сабашниковой, И.В. Макарова, Е.Л. Кассировой, М.М. Сокольской. Москва: Слово / Slovo, 2017. 455 с.

Лебон Г. Психология народов и масс: Пер. с фр. Э. Пименовой, А. Фридмана. Москва: АСТ, 2017. 382 с.

Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории: Пер. с 3-го испр. англ. изд. А.В. Куряева. Москва; Челябинск: Социум, 2018. 875 с.

Мордовские народные сказки. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1985. 399 с.

Предания, сказки и мифы западных славян. Москва: Эксмо, 2021. 542 с.

Пропт В.Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки. Русский героический эпос. Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. 1165 с.

Ставицкий А.В. Поэтика истины мифа в контексте неклассической мифологии // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник трудов V Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2021 года, г. Севастополь): Под ред. А.В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, 2021. С. 104–108. DOI: 10.35103/SMSU.2021.86.74.001

Философия и природа, космо-психо-логическая модель русской сказки: В 3 кн.: Отв. ред. А.А. Гагаев, П.А. Гагаев. Саранск, 2016. Кн. 1. 501 с.

Чудо чудное: русские народные сказки от А до Я. Москва: Дом, 1993. 208 с.

Шаронов А.М. Масторава. Саранск: Эрзянь Мастор, 2010. 264 с.

Reference

Baudrillard J. Consumer Society. Moscow: AST Publ. 2020. 319 p. (In Russian).

Buryat Fairy Tale “Khordey's Wife”. Electronic Resource: <https://m.vk.com/@nurmuseum-zhena-hordeya-buryatskaya-skazka-o-devushke-lebedi> (accessed 14.03.2023). (In Russian).

Gagaev A.A., Gagaev P.A. Philosophy of Mythology and Tales of Palasmurt: Comparativist Approach // Myth in History, Politics, Culture [Electronic Resource]: Collection of Materials of the 2st International Scientific Interdisciplinary Conference (June 2018, Sevastopol). Sevastopol: Branch of Moscow State University Named after M.V. Lomonosov in the City of Sevastopol Publ. 2019. Pp. 123–126. (In Russian).

Goncharov I.A. Obryp. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura Publ. 1983. 448 p. (In Russian).

Dostoevsky F.M. Zapiski iz Podpolya. Electronic Resource: <https://ilibrary.ru/text/9/p.8/index.html> (accessed 14.03.2023). (In Russian).

History of Ugliness. Moscow: Slovo / Slovo Publ. 2017. 455 p. (In Russian).

Lebon G. Psychology of Peoples and Masses. Moscow: AST Publ. 2017. 382 p. (In Russian).

Mises L. von. Human Activity: a Treatise on Economic Theory. Moscow; Chelyabinsk: Sotsium Publ. 2018. 875 p. (In Russian).

Mordovian Folk Tales. Saransk: Mordovian Book Publishing House. 1985. 399 p. (In Russian).

Traditions, Fairy Tales and Myths of the Western Slavs. Moscow: Eksmo Publ. 2021. 542 p. (In Russian).

Propp V.Ya. Morphology of the Magic Fairy Tale. Historical Roots of the Magic Fairy Tale. Russian Heroic Epic. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Atticus Publ. 2021. 1165 p. (In Russian).

Stavitsky A.V. Poetics of the truth of myth in the context of non-classical mythology // Myth in History, Politics, Culture [Electronic Resource]: Proceedings of the V International Scientific Interdisciplinary Conference (June 2021, Sevastopol). Sevastopol: Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol. 2021. Pp. 104–108. DOI: 10.35103/SMSU.2021.86.74.001 (In Russian).

Philosophy and Nature, Cosmo-Psycho-Logical Model of the Russian Fairy Tale: in 3 Books. Saransk. 2016. Book 1. 501 p. (In Russian).

Chudo Chudnoe: Russian Folk Tales from A to Ya. Moscow: Dom Publ. 1993. 208 p. (In Russian).

Sharonov A.M. Mastorava. Saransk: Erzyan Mastor Publ. 2010. 264 p. (In Russian).

Сведения об авторе:

Миничкин Павел Дмитриевич

старший преподаватель кафедры дизайна и рекламы федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва», кандидат культурологии (г. Саранск, Россия).

E-mail: mini4ckin.paw@yandex.ru

Bionotes:

Minichkin Pavel Dmitrievich

Senior Lecturer of the Department of Design and Advertising, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “National Research Ogarev Mordovia State University”, Candidate of Cultural Studies (Saransk, Russia).

Для цитирования:

Миничкин П.Д. Духовная этническая идентичность фольклора и литературы как составная часть ментальности народа, миф как образ сказки // МИФОЛОГОС. Серия: «Миф в культуре: литература, язык, поэтика, искусство, фольклор». № 3 (7), 2023. С. 59–68.

For citation:

Minichkin P.D. Spiritual Ethnic Identity of Folklore and Literature as a Component part of the Mentality of the People, Myth as an Image of Fairy Tale // MYTHOLOGOS. Series: "Myth in Culture: Literature, Language, Poetics, Art, Folklore". № 3 (7), 2023. Pp. 59–68.